

Лев Розин, Павел Успенский К критике теории фоносемантики

Лев Розин, студент факультета психологии МГУ.
Павел Успенский, студент факультета филологии МГУ.

Лингвистика — точная наука. Проблема заключается в том, как отличить лингвистику профессиональную от любительской. Периодически мы сталкиваемся с якобы сенсационными идеями, например с такой: русский язык произошел от египетского языка. Когда подобную точку зрения любитель излагает по телевидению, то, слушая его краем уха, человек с лингвистическим образованием сразу же понимает научную несостоятельность подобной теории. Человеку другой профессии раскусить подобные концепции гораздо сложнее (мы отсылаем всех заинтересованных к ясным и глупым работам А.А. Зализняка, развенчивающим ненаучные лингвистические теории).

Но иногда и некоторые области научного знания, в которых вроде бы используются точные методы, эксперименты, формулы и т.д., оказываются если не любительскими, то сомнительными. Такова, на наш взгляд, теория фоносемантики, основная идея которой состоит в том, что звук обладает неким постоянным смыслом. Авторы столкнулись с этой теорией на одном из спецсеминаров по психолингвистике, где студентам без тени иронии излагалось, что звук [р] — «могучий» и «грубый».

Вообще, идея, что звук имеет смысл, проявлялась уже в далеком прошлом. В каком-то виде ее можно встретить в первобытном мышлении, где слово и объект, который оно обозначает, мыслились нераздельно. Многие для ее развития сделали поэты. Вспомним, например, знаменитый сонет А.Рембо «Гласные» («А — черный; белый — Е; И — красный; У — зеленый...») или манифесты футуристов, ратовавших за создание нового языка (А.Крученых¹, В.Хлебников² и др.). Среди лингвистических трудов можно вспомнить яркую статью М.В. Панова «О восприятии звуков»³. Однако основным автором теории фоносемантики в наше время можно считать А.П. Журавлева, сформулировавшего свои идеи в книге «Звук и смысл»⁴. В его изложении эта теория претендует на научность.

Изложение теории фоносемантики

Фоносемантика функционирует в рамках двух областей лингвистики: фонетики и семантики. Значением занимается семантика, которая определяется «как лингвистическая дисциплина, изучающая план содержания языка в целом, значения различных языковых единиц, их функционирование в языке и речи»⁵. Фонетика, в свою очередь, зани-

мается звуковой стороной языка. Она, во-первых, рассматривает акустические свойства звуков, а также процесс их образования при помощи органов речи (артикуляция). Во-вторых, в этой науке изучается, как звуки обеспечивают функционирование языка (некоторые исследователи выделяют этот аспект в отдельную область — фонологию).

Соответственно, звук может рассматриваться как бы в двух планах: физическом и культурном (язык как система знаков). Во втором случае звук будет являться фонемой, то есть «минимальной единицей языкового строя языка, служащей для складывания и различения значимых единиц языка: морфем, слов. Для выполнения этой роли фонемы должны быть противопоставлены друг другу в системе языка»⁶.

Язык — культурное явление, с помощью него люди оперируют различными смыслами. Однако один смысл отличается от другого звуковым воплощением, физической, незнаковой артикуляцией (стол — стон, кол — кон). Отсюда один шаг до идеи, что звуки противопоставлены друг другу не только артикуляционно, но и по смыслу, что у каждого звука есть постоянное значение. Именно это положение является основным в фоносемантике.

Итак, фоносемантика — это теория, основная идея которой заключается в том, что все звуки языка (вне зависимости от того, взяты они как отдельные или же как входящие в состав слова) обладают закрепленной семантикой. Так, например, в этой теории звук [р] считается «могучим, сильным, мужественным и грубым»⁷.

Для подтверждения гипотезы о том, что звуки языка воспринимаются большинством людей одинаково, Журавлев провел эксперимент. Звуки русского языка (гласные, твердые и мягкие согласные⁸) давались его носителям в качестве стимульного материала. Все «звукобуквы» (термин Журавлева) было предложено оценить по 25 шкалам Осгуда. Каждая шкала состояла из противопоставленных друг другу прилагательных: хороший — плохой, яркий — тусклый и т.п. К шкале можно было применить 5 оценок: оценка 3 означает нейтральность данной шкалы, а оценки 1, 2 и 4, 5 показывают степень выраженности того или иного признака. Вот, например, одна из шкал Осгуда: Горячий 1 2 3 4 5 Холодный. Здесь 1 означает очень горячий, 2 — горячий, 3 — нейтрально, 4 — холодный, 5 — очень холодный.

После подсчета среднего значения ответов, по каждому звуку был получен его профиль. Так, например, [д] оказался «хорошим, большим, грубым»; [ф'] — «плохим, маленьким, женственным».

Многие шкалы могут быть взаимосвязаны. Так, например, если какой-либо звук кажется испытуемому хорошим, то с большой вероятностью он оценит его также как светлый, красивый и т.д. Поэтому исследователь объединил 25 шкал в 3 основных: медлительный / подвижный, слабый / сильный, плохой / хороший. Они составили график, заполненный звуками в соответствии с их значениями.

Оказалось, что звуки группируются на графике по принципу их артикуляции. Из этого делается вывод, что испытуемые, проходя эксперимент, «бессознательно опираются на физические свойства звуков, а это значит, что фонетическая значимость звуков речи основана на их физических характеристиках»⁹.

Ключевой в таких рассуждениях является идея, что сумма признаков фонем слова составляет его фоносемантическую оболочку. Это означает, что мы можем взять любое слово и, в соответствии с таблицей фоносемантических значений «звукобукв», увидеть его звуковое значение.

⁶ Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: 2001. С. 214.

⁷ Журавлев А.П. Звук и смысл. С. 21.

⁸ А.П. Журавлев рассматривал отдельно такие звуки, как «е», «ё», «ю», «я», которые с фонетической, а не орфографической, точки зрения состоят из двух звуков: [je], [jo], [ju], [ja]. Необходимо отметить, что теория учитывает не все звуки русского языка.

⁹ Там же. С. 23.

¹ Крученых А. Кукиш прошла-кам. М. Таллин, 1992.

² Хлебников В.. Творения. М.: 1986.

³ Панов М.В. О восприятии звуков // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. С. 330–338.

⁴ Журавлев А.П. Звук и смысл. М.: 1991.

⁵ Кронгауз М.А. Семантика. М.: 2001. С. 11.

Уже здесь можно отметить факт, бросающий тень на всю концепцию: Журавлев на самом деле говорит о звукобуквах, а не о звуках, что вносит в теорию значительную неясность. В слове «молоко» предударная гласная звучит как [a], т.е. в нем пишется одна и та же буква, но произносятся разные звуки. Фоносемантика, на самом деле, не учитывает настоящего звучания слов. Не говоря уже о диалектах, когда одно и то же слово в разных областях страны звучит по-разному...

Поясним, как Журавлев понимает соотношение значения слова с его звуковой семантикой. У слова есть понятийное ядро — значение. Его дополняет признаковый аспект — то, как мы мыслим себе предмет в его характеристике (иными словами — признаки объекта, обозначаемого словом). У слова «облако» понятийное ядро — скопление сгустившихся водяных паров, а признаковый аспект — легкое, округлое, светлое, белое и т.д.

Фонетическая значимость дополняет именно признаковый аспект. Так, у «облака» фонетическое значение следующее: большое, округлое. Наиболее ярко фонетическая значимость проявляется в звукоподражательных словах и словах, основу которых составляет звукоподражание: «каркать», «гавкать», «кукушка» и т.п.

Для того чтобы измерить фоносемантическую оболочку каждого слова, Журавлев использовал формулу, учитывающую ряд факторов (частотность звука, ударность/безударность гласной и др.). Она, однако, требовала дополнительной проверки, поэтому исследователь сконструировал манекены (несуществующие слова — «лимень», «урцух») и попросил испытуемых оценить их по шкалам Осгуда. Полученные усредненные результаты являются эталоном, т.е. реальным восприятием этих слов. Затем А.П. Журавлев сравнил эталоны со значениями, полученными по его формуле. По его утверждению, для большинства манекенов формульное значение совпадает с эталонным¹⁰.

Таким образом, Журавлев вывел, что звук обладает постоянным и неотделимым смыслом (под смыслом подразумевается признаковая).

Отсюда следует, что те или иные слова звучат так, как они звучат, не в результате языковой эволюции и фонетических законов, а из-за взаимодействия семантики слова и звука. С помощью формулы Журавлев сравнил звуковую семантику слов с их значением. Так, например, фоносемантическое значение слова «баобаб» — большой, величественный, могучий (что, естественно, соответствует объекту, обозначаемому словом).

Проанализировав таким образом корпус слов русского языка, Журавлев пришел к выводу, что фонетическая оболочка многих слов не только соответствует их семантике, но и влияет на нее. Исследователь приводит в пример слово «лик», у которого значение красоты определяется именно тем, что слово состоит из звуков [л'], [и], [к]. А слово «лицо» — из-за его звучания — употребляется для обозначения менее красивого объекта. Заметим, что в данном случае Журавлев никак не рассматривает стилевые регистры русского языка! Слово «лицо» в языке нейтрально, тогда как «лик» принадлежит высокому стилю.

Все это позволяет исследователю сделать следующие выводы. Во-первых, фоносемантика оказывает непосредственное влияние на эволюцию лексики в языке. Например, по Журавлеву сходные по смыслу слова: «аэроплан» — «самолет» — «лайнер» поочередно сменяли друг друга в языке из-за различий в фоносемантическом при-

¹⁰ Там же. С. 34–36.

знаке скорости: аэроплан — медленный, а лайнер быстрый (между тем именно слово «самолет» сейчас наиболее употребительное). Имена также выходили из употребления из-за их звучания: Фома, Марфа, Федот, Феофан и др. (вызывает удивление как игнорирование социального аспекта использования имен, так и то, что среди имен, избыточных буквой «ф», не представлен Федор).

Во-вторых, заимствованные слова язык принимает по фоносемантическому признаку. Например, гитлеровцы в русском языке называются «фашистами», т.к. язык выбрал «синоним с наиболее “отвратительным” для нас звучанием»¹¹.

В-третьих, фоносемантика может изменять семантическое поле слова. Так, например, слово «фрукт» иногда употребляется в отрицательном значении («Ну ты и фрукт!») именно из-за того, что звуки, составляющие слово, имеют негативную признаковую окраску. Под отрицательным значением здесь имеется в виду ироническое употребление слова. Интересно, как в таком случае объяснить использование слова «лик» в шутовском контексте?

В-четвертых, фоносемантика отдельных слов влияет на восприятие текста в целом¹².

Такова система доказательств Журавлева. Другим сторонником этой теории был С.В. Воронин, идеи которого сформулированы в монографии «Основы фоносемантики»¹³. Мы не будем подробно останавливаться на его взглядах, отметим только, что Воронин интересовал исторический аспект развития языка. Он полагал, что изначально все слова в языке были мотивированы, но постепенно мотивированность перестала быть такой очевидной, как в звукоподражательных словах. С другой стороны, исследователь пытался подвести под фоносемантику философскую базу. Пытаясь опровергнуть положение Ф. де Соссюра о том, что языковой знак принципиально немотивирован¹⁴, Воронин привлек философские принципы детерминизма и отражения. Как и Журавлев, Воронин исходил из того, что звуки слова имеют значение, а само слово часто мотивировано тем, что оно означает.

Критика

Решив проверить теорию фоносемантики, мы провели эксперимент. Наша гипотеза заключалась в том, что на оценку бессмысленного сочетания звуков влияет интонация, с которой они произносятся, т.е. фактор интонации перекрывает фоносемантическое значение звуков. Мы взяли три корейских слова: [ajuma¹], [philgigwu¹], [nonsangmwu¹], каждое из них было записано на диктофон с тремя разными интонациями; в итоге было получено 9 записей. В исследовании принимало участие 18 человек. Каждому предъявлялось по 3 записи (разные слова, но одна интонация). Прослушав слово, человек оценивал его по 25 шкалам Осгуда (таким же, как у Журавлева), после чего ситуация повторялась уже с другим словом.

В результате нашего эксперимента выяснилось, что фактор интонации не влияет на восприятие неизвестного набора звуков. Кроме того, оказалось, что фактор самого слова не является значимым. Иными словами, разные слова оценивались испытуемыми в среднем одинаково, и различие в звуковой оболочке слов никак не влияло на ответы.

Результаты нашего эксперимента входят в противоречие с основным постулатом фоносемантики — что звук (или набор звуков) обладает некоторыми признаковыми аспектами. Оказалось, что разные

¹¹ Там же. С. 67.

¹² Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: 2005. С. 19–20; Журавлев А.П. Звук и смысл. С. 73–74.

¹³ Воронин С.В. Основы фоносемантики. М.: 2006.

¹⁴ Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М.: 1977. С. 100–103.

по звучанию корейские слова воспринимаются одинаково, их признаковая оболочка не различается, корейские слова не несут никаких фонетических значений.

Как это объяснить? Очевидно, что признаковым аспектом могут делиться только те звуки, которые человек способен различать. При этом, вероятно, функционирует следующий механизм: звук наделяется смыслом не напрямую, не сам по себе, а через ассоциации. Так, например, звук [p] может ассоциироваться с ревом или рычанием, и поэтому обладать, по Журавлеву, признаками мужественности, силы и грубости. Иногда ассоциация может происходить и с артикуляцией (сведение шкал в три основных, связанных с артикуляцией, по А.П. Журавлеву). Иными словами, когда перед человеком стоит задача отнести звук к той или иной графе, он, не имея других возможностей, связывает звук со словом (или иным явлением) и уже через это определяет его признаки.

Однако по данным Журавлева можно заключить, что большинство людей похоже оценивают звуки и приписывают им одинаковые признаки. В таком случае, судя по всему, существуют общие для всех носителей русского языка культурно заложенные ассоциации, такого же рода, как шаблонные ответы на такие вопросы: поэт? – Пушкин, фрукт? – яблоко, птица? – голубь, овощ? – картошка. При этом важно отметить, что речь идет о статистически распространенных ответах, и всегда есть индивидуальные, которые отклоняются от этой схемы.

Несмотря на то, что в результате эксперимента в среднем мы получили нейтральные оценки для всех слов, важно понимать, что отдельные испытуемые придавали словам значение. Сравнение ответов не позволяет увидеть каких-либо общих тенденций или закономерностей. Это объясняется тем, что звуки корейских слов плохо различимы для неподготовленного русскоязычного человека. Поэтому каждый человек их воспринимает по-своему и, соответственно, ассоциирует индивидуальным образом.

Когда общие ассоциации отсутствуют, каждый человек индивидуально связывает звук или набор звуков с каким-нибудь словом или представлением. На наш взгляд, звуки сами по себе не имеют смысла, но могут с чем-нибудь ассоциироваться. Именно так мы объясняем основное положение фоносемантики – связь звука со смыслом.

Известно, что сознание стремится придать непротиворечивое значение всему, что оно воспринимает, и это, в частности, распространяется на ситуацию оценки звука. В случае оценки осмысленного (существующего) слова шкалы Осгуда вынуждают испытуемого выделить признаковую оболочку того, что обозначает слово (см. пример с облаком), и человек с этим легко справляется. Однако в случае оценки звука получается, что сознание испытуемого ставится в странное положение: его просят оценить звук так, как будто у него, так же как и у слова, есть объект, который он обозначает. С этой задачей он также справляется (причем большинство людей делает это похожим образом), однако важно отметить, что это происходит благодаря ассоциациям, а не из-за наличия смысла у звука.

Звук или набор звуков не имеет определенного смысла, однако одинаково ассоциируется у большинства людей. Например, искаженные слова связываются со своими «оригиналами», и, в каком-то смысле, несуществующие слова могут представляться искаженными «нормальными» словами. Так «лимень», скорее всего, будет ассоциироваться со словом «ремень» и оцениваться исходя из этой аналогии.

С помощью разделения смысла звука и комплекса ассоциаций мы можем переосмыслить тезис А.П. Журавлева, который гласит, что фонетическая оболочка слова влияет на восприятие самого слова. На наш взгляд, это неверно: когда человек воспринимает слово, у него нет необходимости отдельно вдумываться в значение фонем и обращаться к своим ассоциациям. Поэтому звуковая оболочка не несет отдельно смысла, влияющего на само слово. В слове, прежде всего, важен его смысл, и именно его мы и воспринимаем (согласитесь, никому в этом месте не придет в голову пытаться оценить фоносемантическое значение слова «воспринимаем»!).

Н.И. Жинкин в своих работах показал, что внутренний язык человека (язык сознания) сильно отличается от общепотребительного языка¹⁵. Он является как бы сокращенным вариантом нормального языка, но при этом осложняется субъективными ассоциациями, дополнительными понятиями, представлениями и т.п. Внутренний язык часто оперирует не языком в прямом смысле слова, а образами, не имеющими к языку никакого отношения.

В ситуации общения (коммуникации) говорящий переводит смыслы с внутреннего языка на внешний, привычный нам язык, а слушающий, в свою очередь, наоборот: перекодирует сообщение на внутренний язык. При этом информация передается с помощью лексики и ее грамматического оформления. Тут важно вспомнить важнейший постулат Ф. де Соссюра, который гласит, что языковой знак немотивирован, он является некоторой общепринятой условностью. При таком устройстве функционирования языка, когда каждое высказывание переводится на внутренний язык сознания, в мотивации слова или звука нет никакой необходимости. Поэтому тезис Воронина о мотивированности языкового знака вызывает сильное сомнение (кроме случаев звукоподражания). Как бы превосходящий подобного рода сомнения, Воронин в качестве обоснования своей идеи приводит принципы детерминизма и отражения. На наш взгляд, здесь будет уместно провести следующую параллель. Бегущая строка на электронном табло сообщает людям некоторую информацию. Передача информации обеспечивается сложной системой включения / выключения одних и тех же лампочек, в результате чего у человека создается иллюзия, что строка двигается («бежит»). Однако странно было бы считать, что лампочка является носителем какого-либо значения. В подобной системе более «простые» элементы никак не мотивируют целое (бегущая строка).

Можно сказать, что в коммуникации превалирует стремление донести и получить информацию, и очень редко оказывается важной выразительная функция языка. Она важна в художественных текстах или в ситуации, когда человек настроен воспринимать язык или речь собеседника с эстетической точки зрения.

Однако и в этом случае звуки могут только усиливать семантику слова, но не определять ее. Л.С. Выготский приводит такой пример: в слове *monotone* три буквы усиливают значение однообразности, но мы не можем сделать вывод, что «о» само по себе является монотонным¹⁶. Действительно, помимо слова «монотонный» существуют такие слова как «долото» или «золото». Вряд ли нам придет в голову сказать, что «о» делает золото однообразным или золото придает «о» значение – золотое.

Представим себе такую поэтическую строку: «Монотонное золото лож в горло шло молоком...». Многократное повторение «о» (опустим тот факт, что звук [o] звучит только под ударением) в данном случае

15

Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Жинкин Н.И. Язык – Речь – Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М.: 1998. С. 146 – 163.

16

Выготский Л.С. Анализ эстетической реакции: Трагедия о Гамлете, принце Датском У. Шекспира. // Психология искусства. М.: 2001. С. 223.

будет только усиливать выразительность стиха. «О» не будет ничего значить само по себе, но, многократно повторяясь, усилит значения соседствующих слов и придаст строке большую целостность. Важно понимать, что речь идет именно о поэтической функции языка. Воспринимая стихи или художественную прозу, мы обычно хотим увидеть как можно больше смыслов, в идеале – придать значение всем деталям, а текст, в свою очередь, стремится быть наиболее выразительным. Но в обыденной речи мы редко обращаем внимание на повторение в чьей-нибудь речи одних и тех же звуков. В общении на первый план выходит значение слов, смысл высказывания.

Выше мы писали, что испытуемому предлагается оценить звук, как будто у него, как и у слова, есть объект, который он обозначает. Несмотря на то, что большинство носителей русского языка могут приписывать звукам признаковые аспекты, возникает несколько замечаний. Одно, не самое важное – в такой шкале мы приписываем определенные признаки, но при этом не можем утверждать, что она учитывает весь спектр признаков. Другое же возражение заключается в том, что если взять любой набор признаков, то легко заметить, что к нему подходит довольно много слов с разной звуковой оболочкой. Например, с легким, округлым, светлым и белым может ассоциироваться не только облако, но и снег, молоко или даже подушка. Это значит, что мы не можем найти точное слово, задавая координаты его фонетической оболочки. Требуя, чтобы оно по звучанию было большим, темным, тяжелым, мы в итоге получаем очень большой список слов, и тут не хватает 25 шкал Осгуда. Получается, что теория не работает в обратную сторону.

Приведем аналогию. Известно, что параллельные прямые не пересекаются. Если мы видим, что прямые пересекаются, мы заключаем, что они не параллельные. В фоносемантике подобный вывод невозможен. Если в этой теории «облако» – легкое, округлое и светлое, то легким, округлым и светлым должно быть только «облако». Между тем, это не так. Выход из подобной проблемы – как можно более подробно описывать фонетическую оболочку каждого слова. Но при таком описании на него будет влиять значение самого слова. В таком случае, подробнее надо исследовать значение звука. Проблема же все равно остается: когда звуки соединяются в осмысленное слово, их значение сразу же перекрывается семантикой этого слова! Сказанное позволяет нам усомниться в результатах Журавлева при исследовании корпуса лексики русского языка.

Во-вторых, сами полюса шкалы уже определяют ответ, помещая объект исследования в контекст, в котором он обычно не находится. Действительно, человеку не свойственно рассуждать, является ли, например, звук [п] – мужественным, а [ф] – маленьким. Иными словами, сам факт измерения влияет на результаты исследования. Здесь можно вспомнить так называемый «Хоторнский эффект»: группа социологов измеряла факторы, влияющие на производительность труда на заводе. При изучении вопроса они обнаружили, что сам факт их присутствия влиял на производительность, повышая ее¹⁷. Таким образом, можно сказать, что звуки имеют свой собственный, неотъемлемый смысл только в ситуации измерения этого смысла. Когда же смысл звука не измеряется – его попросту нет. Это в корне отличается от положения слов в языке – их смысл существует и вне его измерения.

У теории фоносемантики, таким образом, обнаруживается важнейший изъян – отсутствие объяснительной силы. С помощью этой тео-

рии объяснить ничего нельзя, она не выходит за рамки самого эксперимента. Данные, полученные в ситуации измерения, сохраняют актуальность только в экспериментальных условиях и не переносятся в другие плоскости языка. При таком положении дел существует два выхода: либо признать ошибочность теории, либо проводить дальнейшие исследования ■

Леонид Николаенко Теория относительности истории

«Человек задуман
сомневающимся
в себе, но не
в истине – это
извращение».
Г.К. Честертон

Леонид Николаенко,
студент факультета истории,
политологии и права РГГУ.

Теорию относительности можно считать символом XX века, революции которого, как политические, так и ментальные, разрушили сформировавшиеся за века устои во всех областях жизни человека. Достаточно сказать, что само отношение к «собственному мнению» изменилось коренным образом – люди перестали верить кому-либо, даже самим себе, и, высказывая свои мысли, стали к каждому слову добавлять «я так думаю», как бы оправдываясь и подчеркивая субъективность прозвучавшего положения. Изменился статус привычных авторитетов – мыслителей древности... Признанные научные истины стали казаться если и не неверными, то, по меньшей мере, спорными. А судьбу тех или иных наук порой начинали определять политические идеологии, чему примером может служить недавнее прошлое нашей страны.

Историческая наука в XX веке не избежала общей участи: столетие началось со споров о самой необходимости этой науки, которая, претендуя, как и всякая другая, на вычленение закономерностей, не смогла предсказать и предотвратить коллапса, как тогда небезосновательно казалось, европейской культуры. Первая мировая война ударила не только по экономике Европы, но и по ее духу – разрушена была доминировавшая идея «прогресса», предполагавшая развитие от «худшего» к «лучшему». Назвать «лучшим» Первую мировую язык не поворачивался ни у кого. Этот перелом в сознании привел к переосмыслению самой сути исторической науки. Ученые отказались от идеи объективности истории – человек не может познать реальность прошлого, поскольку он может его воспринять лишь в меру своего понимания. Английский философ и историк Робин Коллингвуд писал, что, изучая, предположим, Средне-

вековье, мы на самом деле занимаемся изучением того, насколько оно еще живо в нас самих. Столь же относительным был признан и казавшийся доселе неизменным краеугольный камень исторической науки – «источник», основа работы любого исследователя. Во-первых, любой текст или предмет становится историческим источником, только когда он попадает в руки к исследователю и тот начинает задавать ему вопросы. Причем вопросы эти могут быть самыми разнообразными, не обязательно связанными с прямым предназначением этого предмета или текста. Во-вторых, любой источник – тоже творение рук человеческих, он передает события сквозь призму сознания своего создателя. Таким образом, реальность прошлого сначала искажается сознанием современника, затем – позднейшего исследователя.

Из вышесказанного вытекает, что «исторический факт» – венец работы историка – не может считаться определенным раз и навсегда. Теперь он должен восприниматься как некая «интеллектуальная модель». То же касается и крупных периодов истории. Современной наукой построения историка воспринимаются не столько как «реконструкции» прошлого, сколько как его собственные «конструкции». У нас больше нет оснований полагать, что мы можем узнать что-либо о прошлом доподлинно: все же перед нами лишь «модель».

Естественно, такое отношение к истории не могло не вызвать сомнений в самой ее необходимости как науки. Нужно ли изучать то, что заведомо непознаваемо? И как все же сделать его более познаваемым? Ответ был вскоре найден: раз философы и теоретики науки ставят вопрос об образе мыслей человека прошлого, то именно эта тема должна быть подвергнута внимательному рассмотрению. Этим

17
Беликов В.И., Крысин
Л.П.. Социоллингвистика.
М.: 2001. С. 280.